

Хозяйка сегодня вернулась домой не в духе, а тут еще и пришлось самой переодеваться... Служанка Сяохун так перепугалась, что невольно ссутулилась, втянула голову в плечи и прижала руки к груди, пытаясь скрыть свои формы.

Лучше бы она этого не делала. Стоило ей так сжаться, как Чжоу Цин тут же уставилась на нее.

— ...Убирайся, — процедила она сквозь зубы.

Сяохун вздрогнула, попятилась и, не смея даже просить о пощаде, схватила остолбеневшую Сяоцуй и пулей вылетела из комнаты.

Когда они остались одни, Чжоу Цин дрожащей рукой коснулась своей груди.

Плоская!

Неужели это и есть та самая легендарная минус первый размер?

Чжоу Цин развернулась, подошла к кровати и с размаху повалилась на нее.

Папочка, заberi меня отсюда!

— Сяохун, Сяоцуй, почему вы стоите снаружи? — Госпожа Чжоу подошла к девушкам, как только те остановились у дверей.

Сяохун посмотрела на хозяйку, и ее глаза тут же покраснели:

— Госпожа, не входите, пожалуйста. Барышня сердится.

В глазах госпожи Чжоу промелькнуло недоумение.

— Сердится? Почему Цинцин сердится? Неужели вы плохо за ней ухаживали? — спросила она, и в ее голосе уже слышалось недовольство. Хотя этих служанок приставили к дочери только в прошлом месяце, госпожа Чжоу больше десяти лет потратила на то, чтобы подобрать идеальных помощниц. Но какой бы тяжелой ни была эта работа, ради дочери она была готова на всё.

— Нет, госпожа, — Сяоцуй, испугавшись, что ее обвинят без разбирательств, засуетилась: — Барышня вернулась домой уже не в настроении, боюсь, кто-то обидел ее снаружи. А сейчас... только что...

— Что случилось только что? — Госпожа Чжоу взглянула в сторону покоев дочери и строго

спросила.

Сяохун робко ответила:

— Мы помогли барышне переодеться, и она... она увидела мою грудь...

Она сама была далеко не самой пышной девушкой, но даже ее формы оказались заметнее, чем у барышни. С этим ничего нельзя было поделать.

Госпожа Чжоу замерла, а затем тяжело вздохнула. Она собиралась зайти к дочери, но теперь передумала. Сама госпожа в свое время славилась в городке Циншань завидной фигурой, да и дочь с детства ни в чем не знала отказа, ела всё самое лучшее, но вот именно там природа обделила ее, и госпожа не знала, как помочь.

— Барышня ужинала? — спросила она.

Сяохун покачала головой:

— Я спрашивала по дороге домой, она еще не ела.

Госпожа Чжоу снова вздохнула и спустя долгое время произнесла:

— Сяохун, позови Ли Эра. Сначала выясни, кто посмел обидеть барышню, а потом вели ему подать ужин. Но вы обе стойте рядом и следите. Если этот Ли Эр посмеет хоть раз взглянуть на барышню лишний раз, вы знаете, что делать.

— Слушаемся, госпожа, — в один голос ответили служанки.

— Когда барышня отдохнет, придете и доложите мне, — распорядилась госпожа Чжоу и, то и дело вздыхая, удалилась вместе со слугами.

Чжоу Цин всегда была оптимисткой, но сейчас ей было не до веселья. Даже когда вечером пришел Ли Эр с ужином, она не нашла в себе сил разобраться в ситуации.

Пораньше умывшись, она легла в постель. Вспоминая слова маленького призрака и Юньло, услышанные днем в Ичуньюань, она начала кое-что понимать. Видимо, прежняя хозяйка тела страдала от комплекса неполноценности, поэтому часто переодевалась в мужскую одежду. А так как старики Чжоу души в ней не чаяли, они закрывали глаза на ее походы в бордели, где она искала признания и мнимого тщеславия.

Но какой же была настоящая натура этой девушки?

Сегодняшний гнев был оправдан, и странное поведение в порыве злости — норма, но что будет завтра? Послезавтра?

Чжоу Цин долго размышляла и пришла к выводу, что ей придется снова сходить в Ичуньюань, чтобы подробно расспросить Юньло или того призрака.

У госпожи Чжоу было трое сыновей. Двое старших — от законной жены, а младшему, девятилетнему, — от наложницы Фэн, которую госпожа позволила взять в дом девять лет назад, когда посчитала, что счастье материнства уже достигнуто.

Сыновья в семье Чжоу были делом привычным, а вот единственная дочь Чжоу Цин стала настоящим сокровищем. Увидев, что дочь расстроена, госпожа Чжоу тут же вызвала слугу Ли Эра, сопровождавшего ее.

— Что произошло, когда ты сопровождал барышню? — госпожа Чжоу встретила его ледяным взглядом. — Ты плохо за ней ухаживал или кто-то посмел обидеть ее снаружи?

В доме Чжоу слуги при барышне получали больше всего благ, но и риск был велик: в одно мгновение можно было лишиться всего. Ли Эр прислуживал Чжоу Цин пять лет, всегда был расторопным и надежным, так что довольны были и господа, и сама барышня.

Под холодным взглядом хозяйки он занервничал.

— Госпожа, будьте свидетелем! — взмолился он. — Я пять лет при барышне, всегда был прилежен и никогда не смел проявлять небрежность.

Госпожа Чжоу сухо хмыкнула: она знала, что он не посмел бы.

Не дождавшись похвалы, Ли Эр рухнул на колени. Прокрутив в голове события дня, он решил возложить вину на Юньло из Ичуньюань.

— Госпожа, если позволите сказать, барышня расстроилась из-за девицы Юньло из Ичуньюань, — выпалил он, отчаянно кивая.

Госпожу Чжоу не волновало, Юньло это или Ло Юнь. Ее интересовало лишь то, кто заставил ее дочь грустить — она сделает так, чтобы этот человек всю жизнь не знал покоя.

— Ступай, приведи ее ко мне, — приказала она.

Найдя козла отпущения, Ли Эр с облегчением поклонился и поспешил прочь. Вскоре он уже вел девушку в сторону Ичуньюань.

Юньло была в отчаянии. Поскольку все произошло тихо, никто не знал о случившемся, а значит, никто не мог ее утешить. После ухода Чжоу Цин она проплакала так долго, что голос охрип, а слезы почти иссякли.

Сяюй, бывшая главной звездой Ичуньюань пятнадцать лет назад, отличалась красотой и острым языком. Она презирала манерность Юньло. Юньло была первой красавицей заведения, и после пятнадцатилетия, когда она потеряет невинность, должна была стать новой звездой. Хотя Сяюй давно стала призраком, она все еще любила красоту, но из зависти к юности не желала общаться с девушкой, предпочитая коротать время за вином под старым деревом во дворе.

А-Янь, другой призрак, кружила вокруг Юньло, пытаясь ее утешить.

— Ой, маленькая Юньло, не плачь! Ты такая красивая, в будущем в этом городке Циншань от женихов отбоя не будет. Не стоит убиваться из-за какого-то там молодого господина Чжоу.

— Посмотри на меня: я умерла в восемнадцать, прошло уже десять лет, а я и с мужчинами-то толком не говорила. Я куда несчастнее тебя!

— Перестань плакать! Даже если нас отвергли, можно попробовать еще раз. В следующий раз, когда господин Чжоу придет, постарайся получше.

А-Янь была болтушкой. Днем она спала, ночью у других призраков были свои дела, и даже Сяюй общалась с ней, только когда Цинь Сюань отсутствовал. Она была бесконечно одинока. Это привело к тому, что старый призрак, проживший в ином мире десять лет, постоянно болтал без умолку, часто забывая, что она уже не человек.

— Ну же, Юньло, не плачь, а то некрасивой станешь, — она беспомощно присела рядом и попыталась вытереть слезы девушки.

Рука прошла сквозь лицо.

Эх...

Тяжело вздохнув, А-Янь села на землю и подперла щеки руками, наблюдая за рыданиями.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась.

В комнату ввалился Ли Эр с двумя слугами.

— Ты девица Юньло? — рявкнул один из слуг. — Наша госпожа желает тебя видеть, пошли с нами!

А-Янь и Юньло вздрогнули и в один голос спросили:

— Кто ваша госпожа?

— Хм! — другой слуга презрительно оглядел Юньло. — Наша госпожа — особа благородная, тебе ли о ней спрашивать? Живо вставай, не заставляй меня применять силу!

У слуги была бородатая физиономия, и он выглядел угрожающе. Юньло от страха не то что встать — она обмякла на кровати, и ее плач стал совсем отчаянным.

Бородач потерял терпение, да и Ли Эр это надоело. Он выскочил вперед и закричал:

— Чего реवेशь?! Разгневала нашего молодого господина, а теперь еще и слезы льешь! Вставай и иди к госпоже, иначе не поздоровится!

Ли Эр прислуживал Чжоу Цин пять лет, и Юньло его знала. Поняв, что он пришел по приказу Чжоу Цин, она впала в отчаяние.

Бородач, устав от воплей, прошел сквозь А-Янь, которая пыталась защитить девушку, и одним ударом руки отправил Юньло в нокаут, после чего закинул ее на плечо и зашагал прочь.

Юньло оскорбила богатейшую семью города. Даже хозяйка борделя, как бы ни дорожила своей кормилицей, могла лишь беспомощно наблюдать, как слуги Чжоу уводят девушку.

А-Янь в ярости затопала ногами, а когда люди отошли, погналась за ними. Проходя мимо хозяйки борделя, она с презрением бросила:

— Ты и мизинца госпожи Сю не стоишь! Неудивительно, что дела Ичуньюань идут хуже, чем у Красного теремка напротив!

Сказав это, она помчалась следом.

Юньло бросили в карету. А-Янь летела рядом, пока они не прибыли в поместье Чжоу.

Девушку притащили во двор госпожи Чжоу. А-Янь заглянула внутрь, но не увидела Чжоу Цин, поэтому вылетела обратно. Чжоу Цин — предательница! Обещала не трогать Юньло, а сама спряталась и натравила на нее мать!

А-Янь, хоть и не знала никого, кроме обитателей борделя, понимала: добропорядочные женщины ненавидят их как ядовитых змей. Даже мужчины, которые развлекались в Ичуньюань, в душе презирали их. Что теперь будет с Юньло в руках матери господина Чжоу?

Может, госпожа Чжоу в гневе решит ее убить!

А-Янь была призраком, но призраки тоже умеют плакать.

Вылетев из двора, она долго плутала, не находя Чжоу Цин. От страха и досады слезы катились из ее глаз, как жемчуг.

Она была добрым призраком. За десять лет после смерти она научилась лишь гасить масляные лампы холодным ветром — больше никаких талантов. Если бы она могла показаться на глаза, то хотя бы напугала госпожу Чжоу, чтобы та не обижала Юньло.

Она плакала всю дорогу, наполняя поместье ледяным ветром. Когда она наконец появилась перед Чжоу Цин, та чуть не упала в обморок.

— Ты... ты почему опять пришла?! — Чжоу Цин вжалась в угол и швырнула в нее подушку.

Подушка пролетела сквозь А-Янь и упала на пол.

Звук встревожил служанку за дверью. Чжоу Цин кое-как отговорилась, а затем снова впиалась гневным взглядом в А-Янь.

— Мало того что ты напугала меня в борделе, так теперь приперлась ко мне домой? — прошипела она. — Какая у меня с тобой вражда?!

Она была в ярости. Мало того что ей не везет, так еще и этот призрак липнет! Чжоу Цин чувствовала, что если бы не жила под опекой Чжоу Дахая и У Фэньи, уже давно бы сошла с ума.

А-Янь покраснела от обиды и ткнула в Чжоу Цин пальцем, не в силах вымолвить ни слова.

— Ну говори уже, зачем ты пришла посреди ночи? — рявкнула Чжоу Цин.

А-Янь, такая добрая, от возмущения замахнулась на Чжоу Цин.

Раз — промахнулась.

Два — чуть не упала сама.

На третий раз А-Янь не выдержала и рухнула на колени перед Чжоу Цин:

— Молодой господин, умоляю, отпустите Юньло! Она осознала свою вину, больше никогда не будет так с вами обращаться...

В прошлой жизни перед Чжоу Цин никто на колени не падал, а уж чтобы призрак — такое точно в мире случается впервые.

Глядя на эту бесполезную призрачную девицу, Чжоу Цин успокоилась и села поудобнее:

— Я не обижала Юньло. Почему ты просишь меня ее отпустить?

А-Янь поверила ей на слово:

— Госпожа Чжоу приказала схватить ее, она сейчас у нее во дворе. Прошу, спасите ее!

Госпожа Чжоу умеет творить дела.

Чжоу Цин вздохнула, махнула рукой, отгоняя призрака, и смиренно встала, чтобы надеть женское платье, висевшее на вешалке.

— Пошли, маленький призрак, спасать твою подружку, — буркнула Чжоу Цин, насмешливо глядя на А-Янь.

А-Янь не поняла подвоха, но, увидев, как Чжоу Цин переодевается, вытаращила глаза:

— Ты... ты женщина?!

Чжоу Цин замерла, посмотрела на пухлощекого призрака и с мрачным видом хмыкнула:

— Нет, я мужчина, причем мужчина-призрак.

— Скорее! — А-Янь, видя, что та медлит, нетерпеливо поторопила ее.

Дойдя до двора госпожи Чжоу, она все еще сомневалась:

— Правда?

Не услышав изнутри криков о помощи, Чжоу Цин не спешила. Она поняла, что у этого

призрака, похоже, не все в порядке с головой — реакция была пугающе медленной.

Ей захотелось подшутить:

— Конечно, правда. Иначе как бы я тебя видел?

— Барышня, нам прямо в покои госпожи? — спросила служанка, ведущая ее.

Чжоу Цин: «...» Нельзя же так быстро ломать легенду.

А-Янь тоже поняла, что к чему, и уставилась на Чжоу Цин. Ее черные глаза выражали недовольство, круглые щеки надулись, а на лице, освещенном лампами во дворе госпожи, проступил легкий румянец.

Чжоу Цин протерла глаза.

Она, должно быть, ослепла. Призраки не могут краснеть от злости!

— Входим, — сказала она и решительно шагнула вперед, прямо сквозь А-Янь.

А-Янь приоткрыла рот от изумления и не успела увернуться.

— Чжоу... — она хотела выразить недовольство, но не знала, как обратиться — господин или барышня. Видя, что Чжоу Цин не обращает на нее внимания, она, ворча, поспешила следом.

В главной комнате госпожа Чжоу хмуро смотрела на Ли Эра. Тот обливался потом. Видя, что Юньло не приходит в себя даже после ведра воды, он схватил второе ведро.

— Ли Эр, что ты делаешь! — окликнула его госпожа Чжоу.

— Госпожа, еще раз, и она точно очнется! — выпалил он.

— Если хочешь кого-то полить, полей себя! — Чжоу Цин вошла в комнату, с недовольством взглянула на слугу, а затем слегка присела перед матерью: — Матушка, в чем провинилась Юньло? Она слабая девушка, как она может вынести такую жестокость?

Юньло лежала на полу без сознания. Ее мокрая одежда облепляла тело, волосы прилипли к бледным щекам, придавая ей вид еще более невинный и беззащитный. Чжоу Цин, давшая

слово отпустить ее, решила защитить эту красавицу.

— Вот именно! Девушки из борделя хрупкие, такая холодная вода может подорвать их здоровье, — А-Янь присела рядом с Юньло, вторя Чжоу Цин: — И без того эти лекарства их губят, а тут еще холодная вода — потом и детей не родит.

Этот призрак думает о многом!

Чжоу Цин чуть не рассмеялась. Заметив взгляд матери, она бросила А-Янь предупреждающий взгляд.

— Цинцин, ты разве не отдыхала? — спросила госпожа Чжоу, вставая со стула. Она подошла к дочери и схватила ее за руки: — Посмотри, руки холодные! Почему не оделась теплее? Простудишься еще.

Она обернулась к служанке:

— Быстро принеси мою новую накидку, пусть Цинцин накинёт.

Осенняя ночь была прохладной, но не настолько. Чжоу Цин сжала ладони — они были теплыми. Но это была материнская забота, и она не стала отказываться.

Этого тепла она не получала в прошлой жизни от своих родителей, а здесь, в чужом мире, нашла его в этой женщине. На сердце стало тепло и немного щемяще.

— Матушка, зачем вы приказали привести Юньло? И зачем полили ее водой? Осенью холодно, а если она заболит? — Чжоу Цин говорила витиевато, и сама поежилась от своих слов.

Госпожа Чжоу, уважаемая жена, добрая мать, всегда была мягкой и сердечной. Если бы не любовь к дочери, она бы и мухи не обидела. Услышав упрек, она тут же начала виниться:

— Да, да, это моя вина. Цинцин, скажи правду, та девица правда не обижала тебя?

Чжоу Цин покачала головой:

— Нет, почему вы так решили?

Госпожа Чжоу посмотрела на Ли Эра:

— Сяохун сказала, что ты была не в настроении, а Ли Эр заявил, что это Юньло из Ичунъюань виновата. Я не хотела ей зла, просто хотела расспросить, а из-за того, что она была без

сознания, пришлось прибегнуть к таким мерам. Я не причиню ей вреда.

Ли Эр?

<http://bllate.org/book/20984/2130469>